

Negative Continuity in Family Law: A Few Touches to an Expressionist Portrait

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-70-81

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the analysis of the legislation of the 30s and 40s regarding marriage and the family - the rejection of legal recognition and the identification of the actual protection of marriage, the establishment of a very strict and consistent divorce procedure, the appeal to the truncated status of children born out of wedlock. Its review and evaluation is offered. Emphasis and statements are made on those normative-legal components of the legislation, which, either in full or in a significantly truncated version, are adopted, within the framework of continuity, by subsequent legislative decisions. In particular, we are talking about the continuing, despite legislative initiatives, denial of the need for at least partial protection of the interests of actual spouses (especially those with common children), about “rudimentary echoes” in modern norms on the judicial establishment of paternity of negative (regressive) decisions of the 40s, as well as a specific public component of the divorce process, which obliges the court to decide on issues not declared by the parties. It is emphasized that the effectiveness of strict legislation in the field of marriage and family is apparent and socially harmful, does not correspond to the nature and essence of family relations.

Keywords: family law; 1940s; de facto marriage; dissolution of marriage; out-of-wedlock parenthood; rejection of achievements; negative succession

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID 0000-0001-8827-5532
	Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Social and Family Legislation

Funding: Yaroslavl State University, Project VIP–015.

Негативная преемственность в семейном праве: несколько штрихов к портрету в стиле экспрессионизма

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-70-81
УДК 340.158

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена анализу законодательства 30-х и 40-х годов по вопросам брака и семьи – отказа от правового признания и соответствующей защиты фактического супружества, введения весьма жесткой и сложной процедуры развода, возвращения к усеченному статусу детей, рожденных вне брака. Предлагается его обзор и оценка. Акценты и констатации делаются на тех нормативно-правовых компонентах данного законодательства, которые либо в полном объеме, либо в существенно усеченном варианте воспринимались, в рамках правовой преемственности, последующими законодательными решениями. В частности, речь идет о продолжающемся, несмотря на законодательные инициативы, отрицании необходимости хотя бы частичной защиты интересов фактических супругов (особенно имеющих общих детей), о «рудиментарных отголосках» в современных нормах о судебном установлении отцовства негативных (регрессивных) решений 40-х годов, а также о специфической публичной компоненте бракоразводного процесса, обязывающей суд принимать решения по вопросам, не заявленным сторонами. Подчеркивается, что эффективность жесткого законодательства в сфере брака и семьи является кажущейся и социально вредной, не соответствует природе и сущности семейных отношений.

Ключевые слова: семейное законодательство; 40-е годы; фактическое супружество; расторжение брака; внебрачное родительство; отказ от достижений; негативная преемственность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru

ORCID 0000-0001-8827-5532

Кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой социального и семейного законодательства

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP–015.

В истории российского (советского) семейного права можно отметить несколько «реперных точек». Из одних те или иные правовые институты (или их части) выходили, «искупавшись в благотворных водах» эволюционного эксперимента, не отринувшего при этом добрые начала прежнего законодательного и правоприменительного опыта, из других, получив отрицательную ситуативную (а также и субъективную) энергетику, приобретали качества регресса, «драконовщины», антикультуры. Соответственно в первом случае возникала правовая преемственность по канонам разума и справедливости (или хотя бы одного из этих факторов), во втором – композиции дурной наследственности.

Одним из ярчайших образцов нормотворчества означенного типа является Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»¹. С одной стороны, он установил социальные пособия на детей, ввел государственные награды за многодетное материнство – именно это и отражено в его названии. С другой стороны, он нанес три удара по законодательству, регулировавшему отношения в сфере супружества и внебрачного родительства. Многие представители исторической и юридической доктрины оправдывают жесткость мер обстоятельствами военного времени, однако следует заметить, что подготовка к «драконовым полетам» началась значительно раньше, еще до войны, в 1936 году, – в образе Постановления ЦИК и Совета Народных комиссаров от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным², расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»³ – первой попытки жесткого перевода, наряду с отношениями с оправданной государственно-публичной компонентой, сферы частной жизни на рельсы публичности. Разумеется, работа по расширению сети социальных услуг, а также введение правила о долевом взыскании алиментов (действующего и по сей день), усиление наказания злостным неплательщикам алиментов и даже внедрение дифференцированной пошлины за развод⁴ – возражений не вызывает. Однако запрет прерывания бере-

¹ Ведомости Верховного Совета СССР СССР. 1944. № 32.

² Весьма, кстати, двусмысленный термин

³ СЗ СССР. 1936. Ст. 34.

⁴ Правда, на наш взгляд, избыточно высокой. Например, за первый развод – 50 руб., второй – 150, за третий и последующие разводы – 300 руб. Средняя зарплата в это время составляла 208 руб. Нетрудно вывести пропорции с ситуацией сегодняшнего дня (600/650 руб.).

менности привел к тому, что немалое число женщин было либо травмировано, либо погибло вследствие криминального абортирования.

М. В. Антокольская совершенно справедливо отмечает, что в годы объявления данного запрета граждане не имели даже элементарных представлений о планировании семьи, а также доступа к контрацептивным средствам; именно страх уголовного преследования «заказчиков» и «исполнителей» подталкивал их к криминальному поведению и последующему отказу, в случае тяжелых последствий после операции, от медицинской помощи [1, с. 110]. «Новый запрет, – подчеркивает М. Арбатова, – Россия ввела одновременно с фашистской Германией. С 1936 по 1955 г. за криминальные аборты было осуждено и расстреляно 500 тыс. врачей и женщин, статистика умалчивает, сколько погибло от криминальных абортов». [2].

В юридической доктрине периода 30–50-х годов данное решение безусловным образом оправдывалось. При этом, например, В. И. Бошко, в том числе апеллируя к высказыванию В. И. Ленина о деторождении (сознательные рабочие – «безусловные враги неомальтузианства, этого течения для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше ненадобно»), заявлял, что в стране было осуществлено коренное улучшение материального благосостояния и гигантский рост политического и культурного уровня трудящихся», женщина стала полноправным членом общества, поэтому вопрос об абортах следовало разрешить иначе – в интересах общественного развития [3, с. 222–223]. И это – в середине 30-х годов...

Вернемся, однако, к оценке содержания Указа 1944 г. Первый удар был нанесен в «сердце» института брака – выведением за скобки правового признания и соответствующей защиты фактического супружества, которое при обсуждении проекта Кодекса о браке, семье и опеке 1926 года позиционировалось, в противовес факультативной (как тогда мыслилось) государственной регистрационной форме, как перспективное стремление к будущему коммунистическому браку [4, с. 246–247, 259], свободному от оков «всевидающего государева ока-контроля», а в 1944 году уже рассматривалось в качестве композиции вредоносного характера, препятствующей стандартно-нравственному государственному (формализованному) идеалу брачного союза, который можно объять статистикой, закрепить сложной бракоразводной процедурой и поощрять идеологически. В учебниках и других публикациях того времени (30–50-х годов) фиксировалось, что конструкция фактического брака была необходима для преодоления трудностей переходного периода, обусловлена борьбой с церковным браком и задачей ограждения женщины от эксплуатации

в частной жизни [3, с. 80]. Отмечалось также, что незарегистрированная семейная жизнь не только усложняла государственный контроль над семейными отношениями граждан, но и сопровождалась проблемностью ее судебного установления как юридически значимого факта, а также позволяла злоупотреблять свободой вступления в брак [5, с. 124]. Уже хорошо, что Указу от 8 июля 1944 года не придавалась обратная сила – прямо напротив: фактические супруги приглашались для регистрации союза в органы ЗАГС с фиксацией реального времени состояния в нем. А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 года «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов»⁵ факт состояния в фактическом браке в означенных в его наименовании случаях мог устанавливаться в судебном порядке – по правилам особого производства гражданского процесса (такая возможность, как известно, сроком действия не ограничивалась). В процессе применения данного положения возникали разночтения в судебной практике. Одним из ключевых, ее конкретизирующих, явилось постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 ноября 1951 г.: вопрос об узаконении фактических брачных отношений может быть решен положительно, если смерть или пропаша без вести одного из супругов случилась во время войны или после нее, – при условии, что данное супружество возникло задолго до Указа от 8 июля 1944 года и супруги не имели объективной возможности его оформить; если же никаких к тому препятствий не было, соответствующее заявление удовлетворению не подлежит⁶.

Таким образом, в противоход романтизму политики и доктрины 20-х годов о будущности института брака, по истечении 10-летнего и 20-летнего циклов, идеология кардинально поменялась. И, что гораздо печальнее, она воспроизводится и по сей день, в том числе в контексте правовой преемственности [6–7]. Неоднократные попытки вернуться к хотя бы частичному правовому признанию фактического брака – с целью защиты прав и интересов социально слабой стороны (как правило, женщины, которая в таком союзе рождает детей и заботится о них, ведет домашнее хозяйство и т. п.) – не увенчиваются успехом. Последняя попытка была предпринята сенатором А. В. Беляковым (законопроект № 368962-7 от 22.01.2018 г.). Автор проекта предложил вполне разумные критерии для юридического признания фактического супружества: совместное проживание, ведение общего хозяйства в течение 5 лет или 2 лет – при наличии общего ребенка (детей). Однако даже такой осторожный подход к проблеме вызвал бурный протест ряда законодателей, ученых, представителей деловой обще-

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР СССР. 1944. № 60.

⁶ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1952. № 4. С. 1–3.

ственности (возможно, у некоторых ее представителей возникли опасения в неблагоприятных последствиях состояния в отношениях с «жиголо» мужского или женского рода или же «замучила жаба» будущих имущественных разборок – даже и в союзе, не основанном на расчете) и, конечно же церковных деятелей (впрочем, их позиция вполне логично вытекает из религиозно-мировоззренческого контекста). Среди аргументов звучали даже такие «квалификационные характеристики», как «блуд», «греховное сожителство»... Высказывались и высказываются и более взвешенные суждения, хотя и не поощряющие идею защиты [8]. Между тем речь идет о возможности справедливого судебного решения. В настоящее время значимые интересы могут получить понимание и охрану в основном при разрешении дел о наследовании, например через признание фактического супруга лицом, находившимся на иждивении умершего. (Смерть всегда вызывает сочувствие, иногда даже и юридическое... Однако было бы неплохо, если бы сочувствие вызывала и жизнь – в ее естественном разнообразии.)

Второй удар был нанесен в «поддых» свободе развода. Если в 1917 и 1918 годах (с пролонгацией в 20-е), в целях раскрепощения женщины и «расцерковления» брака, сформировалась тенденция на максимальное упрощение процедуры расторжения супружеского союза, то в 1936–1944 годах бракоразводная «пирамида» перевернулась: в 1936 г. – чисто экономическим воздействием (увеличением пошлины), а в 1944 г. – онтологическим и всеохватно. В частности, вводилась предварительная публикация в газете (а они стали множиться лишь в 90-е годы – о ту же пору газет было немного, и это создавало очередной дефицит) и обязательная судебная процедура с рассмотрением дела в две стадии (примирение – на уровне районного народного суда и разрешение по существу – на уровне областного/республиканского). Если представить уровень доходов среднего советского гражданина, состояние транспортной инфраструктуры (например, из села Кукобой Ярославской области, нынешней столицы гр. Бабы-Яги, можно было доехать до судов либо на многочисленных «перекладных», либо на «кукурузнике»), а также то идеологическое давление общественности, которое сопровождало бракоразводное дело, то немудрено и не удивиться резкому уменьшению разводимости (в три с лишним раза). Так, если в 1940 году означенный уровень (на 1000 человек) был равен показателю 1,1, то в 1950-м – 0,4; впрочем, через 15 лет он стал выше, чем при либеральном бракоразводном законодательстве 20-х годов⁷. Из этого следуют два вывода. Первый: в принципе, эффективность жестких, неадекватных решений в столь частной сфере либо не наступает, либо держится весьма ограниченное время. Второй: допол-

⁷ Подробнее об этом см. в других наших работах [9, с. 52].

нительным фактором сопротивления «драконовскому» режиму является эволюционирование общественных отношений. Подтверждением тому в рассматриваемом случае – резкое увеличение показателя разводимости в 1966 году (2,8), то есть сразу после смягчения бракоразводной процедуры в 1965 г. [9, с. 52].

В современной доктрине данный эксперимент оценивается далеко не в единодушном ключе, хотя большинство правоведов, в той или иной степени эмоционального накала, склоняются к резкой его критике. В частности, констатируется регрессивный характер обсуждаемого законодательства [10, с. 76], его социальная неадекватность (в том числе в плане сопровождения общественными санкциями – обсуждениями вопроса на профкоме, парткоме, исключением из партии и т. п.) [11, с. 78]. Однако имеются оценки и оправдательного характера – с акцентом на сложность экономической ситуации в стране и констатацией направленности бракоразводного законодательства того периода на защиту личных и имущественных прав детей, рожденных в прекращаемом браке [12, с. 262].

Следует заметить, что, в отличие от «замораживания» (негативной преемственности) позиции законодателя о фактическом браке, регламентация расторжения супружеского союза постепенно вернулась в границы относительной правовой свободы⁸ (даже в чем-то избыточной: например, в вопросе невозможности отказа в иске, если после применения примирительной процедуры в форме отложения слушания дела сроком до 3 месяцев хотя бы одна из сторон брачного правоотношения настаивает на его прекращении). Некоторые и другие компоненты публично-го начала остались в действующем СК РФ, даже в усиленном варианте. В частности, ярким образцом таковых является правило ст. 24 об инициативной обязанности суда, в отсутствие заявления или соглашения сторон, разрешить одновременно с иском о расторжении брака вопросы о месте проживания ребенка и взыскании на него алиментов. Данное правило, как мы неоднократно отмечали в своих трудах, коллидирует с диспозитивным настроением гражданско-процессуального законодательства, вынуждая процессуалистов толковать его в разрезе возможности суда выйти за пределы заявленных требований (ст. 196 ГПК РФ), хотя в обсуждаемом случае речь идет не о предмете базового иска, а о самостоятельных семейных правоотношениях (родительских и алиментных) [14, с. 104]⁹.

⁸ Но «блики публичного вмешательства» еще долго высвечивали весьма экзотические эпизоды судебной практики. Так, уже в условиях измененного законодательства некоторые суды направляли в адрес руководителей организаций письма (на специальном бланке) с сообщением о поступлении дела о разводе их сотрудника – с предложением обсудить вопрос в коллективе [13, с. 88].

⁹ При этом мы отнюдь не ратуем за его отмену, а лишь констатируем наличие коллизии и необходимость снятия путем соответствующей корректировки ГПК РФ.

Третий удар, самый, пожалуй, чувствительный и драматичный, последовал в адрес правовых норм о внебрачном родительстве и детстве. Именно в связи с ним Указ 1944 года квалифицировался в доктрине как «драконовский», отбросивший советское семейное законодательство на сто лет назад [6, с. 14]. Под прикрытием решений о государственных наградах за многодетное материнство, о мизерных пособиях «матерям-одиночкам» и т. п. законодатель «твердой рукой и холодным сердцем при воспаленной голове» разделил всех родителей и детей на две неравноправные группы – по факту рождения последних в браке или вне брака, тем самым вернувшись к конструкции незаконного рождения. Публичная цель (решение демографической проблемы во что бы то ни стало) полностью «застила семейные небеса с богородицей и ангелами» – женщина, в силу естественного стремления к материнству и мужскому вниманию (пусть и краткосрочному), даже в организованных для нее антигуманных обстоятельствах, все равно будет вступать в интимные отношения, сохранять беременность¹⁰ и рожать, мужчину же следует освободить от какой бы то ни было ответственности за судьбу внебрачного ребенка,¹¹ дабы эти «путы» не связывали свободы доставки его генетического материала в максимально возможные точки ожидания. В итоге у такого ребенка заведомо не было юридического отца, в соответствующих графах ЗАГС и свидетельства о рождении ставился прочерк, а забота, в том числе материальная, полностью ложилась на плечи советской женщины, добавляя к ее способностям «входить в горящую избу и останавливать коня» еще и силу «одинокое материнства». Аплодисменты политикам, общественным деятелям и законодателям¹².

Как известно, лишь в конце 60-х годов, после 20 лет юридической безотцовщины, статусы внебрачного родительства и детства были изменены в Основах законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик» 1968 г. и Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. Однако композиции негативной преемственности и Указа 1944 года, и идеологических позиций по обсуждаемому вопросу в этих нормативно-правовых актах просматривались вполне уловимо. Так, в нормах ст. 48 КоБС РСФСР предписывалось суду, при рассмотрении дела об установлении отцовства, опираться не на любые значимые для выявления действительных взаимоотношений

¹⁰ Или прерывать беременность в антисанитарных условиях ввиду запрета санитарных.

¹¹ Кроме эмоционально-добровольной.

¹² При этом в последующем появились исследования, свидетельствующие, что во времена войн и сразу по их окончании происходит объективно вызревающий скачок внебрачной рождаемости [15]. Сомнения в эффективности мер высказывались и советскими правоведами [16, с. 63]. Некоторые мужчины, дабы получить правовой статус «близкого радетеля», вынуждены были прибегать к конструкции усыновления/удочерения ребенка

сторон обстоятельства, а только на те, что непосредственно фиксированы в законе (факты совместного проживания и ведения общего хозяйства¹³, или совместного воспитания ребенка, или его совместного содержания, или признания отцовства). Подобное ограничение судебного познания конфликтной ситуации не давало возможности суду удовлетворять иски в очевидных или близких к тому случаях (например: по факту беременности, наступившей в результате насильственных действий, доказанных в рамках уголовного судопроизводства, – при отсутствии признательных показаний о содеянном; при безусловном установлении длительных интимных отношений – без элементов совместного проживания и общего домохозяйства и др.). В числе аргументов за нормативное ограничение оснований иска и предмета доказывания высказывались, наряду с соображениями о трудностях познавательной деятельности, малой эффективности судебных экспертиз по данной категории дел¹⁴, идеи (впрямую и завуалированно) о нежелательности поощрения легкомысленного поведения сторон¹⁵.

При этом снятие означенных ограничений в ныне действующем Семейном кодексе РФ не сопровождается правилом о придании данному решению обратной силы. И это несмотря на общую тенденцию семейного законодательства рассматривать ребенка как субъекта права, включая усиление его защиты, ни единожды декларированную в доктрине [18, с. 34] и законотворческой деятельности. В этой связи правоприменительной практике известны случаи обращения в Конституционный Суд РФ с жалобами на нарушение конституционных прав внебрачных детей, по которым Суд не считал возможным удовлетворить просимое. Так, например, определением КС РФ от 20.06.2006 г. № 226-0 гр. И. Л. Шульгиной было отказано в принятии к рассмотрению жалобы на нарушение конституционных прав ее сына, родившегося в период действия нормы ст. 48 КоБС РСФСР. Суть правовой позиции заявительницы сводилась к тому, что, с одной стороны, диспозиция указанной нормы содержала необоснованные ограничения, которые и не позволили установить отцовство, с другой стороны, норме ст. 49 СК РФ не было придано обратной силы. С печалью во взоре (а глаза – зеркало души, значит, и с душевной грустью) констатируем, что защита интересов ребенка была бы возможна, если бы Суд признал

¹³ По сути, в смысле фактического брака.

¹⁴ Из пыльных архивов поднимались материалы дел, свидетельствовавшие о соучастии на ответной стороне (что, конечно, является юридическим нонсенсом), об использовании экспертизы сходства и т. п. [17, с. 20–21]. (До генетической экспертизы было еще – «семь верст до небес».)

¹⁵ Этот аргумент звучал даже в более поздние времена, например при обсуждении на заседании Верховного Совета СССР законопроекта об изменении данного правила, снятии ограничений (из уважения к известному правоведу, ныне покойному, не персонифицируем детали...).

«Заключительные положения» СК РФ, в части правового регулирования отношений с элементом внебрачного отцовства, не соответствующими норме ч. 1 ст. 38 Конституции РФ о государственной защите материнства и детства и предписал бы законодателю внести необходимую корректировку [19, с. 257].

Актом негативной преемственности критикуемых положений семейного закона 1944 и 1969 годов является также указание современного законодателя на необходимость руководствоваться при разрешении дел о внебрачном отцовстве исключительно достоверными доказательствами (ст. 49 СК РФ). Как мы неоднократно отмечали в своих трудах [20, с. 139], тонкость этой нормативной материи заключается в том, что требование достоверности доказательств является обязательным для всех категорий юридических дел и оно зафиксировано в процессуальных кодексах. И только для обсуждаемой ситуации оно повторено в качестве некоей спецификации. Юридический нонсенс. И объяснить его можно прежде всего на основе знания истории законодательных подходов к решению проблемы внебрачного отцовства и семейно-правового статуса внебрачного ребенка.

Если в означенном нормативном решении речь идет не столько о принципиальной позиции, сколько о шероховатости законодательной техники и полусознанном восприятии действительности, то правила ст. 50 СК РФ – результат прямой дурной наследственности. Законодатель, сняв ограничения судебного познания конфликтной ситуации в ст. 49 (аналог ст. 48 КоБС РСФСР), в правилах ст. 50 не только их сохранил, но кратко усилил, сведя возможности суда при установлении отцовства умершего лица к доказанности только факта прижизненного признания им ребенка своим. Адекватно оценивая, видимо, этот возмутительный казус, Верховный Суд РФ в постановлении от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» разъяснил, что по делам особого производства допустимо применять не только предписания ст. 50, но и ст. 49 – в их системном истолковании¹⁶.

Полусознанным отголоском прошлого является и норма о фиктивной записи отцовства (при неустановленности реального отца): ч. 3 ст. 51 СК РФ по своей формулировке, близкой к диспозитивной (усмотренческой), тем самым допускает в графе «отец» и прочерк, что, на наш взгляд не соответствует интересам ребенка. Конечно, фиктивная запись, скорее всего, с определенного возраста не останется для него тайной, однако до его наступления она поможет избежать «слезинки ребенка». В этом

¹⁶ Вынуждены очередной раз подчеркнуть, что впервые подобный призыв был фиксирован еще 20 лет назад (в постановлении от 25.10.1996 г. № 9), однако право законодательной инициативы по корректировке редакции ст. 50 до сих пор не реализовано.

плане мы не готовы согласиться с высказанным в доктрине предположением об отсутствии сложностей в социализации ребенка, у которого в сведениях об отце стоит прочерк [21, с. 41]. Следует заметить, что подобная возможность проецируется судебной и административной практикой на случаи регистрации родительства в отношении ребенка, рожденного в рамках программы суррогатного материнства: «одинокому отцу-заказчику», по аналогии, разрешают использовать в графе «мать» либо прочерк, либо запись «мать неизвестна», что еще более возмутительно и неприемлемо¹⁷ [21, с. 41–42]. Подобные капризы родителей (благословленные в одном случае – законом, в другом – правоприменением) далеки от конвенционного критерия «наилучшие интересы детей».

Таковы несколько штрихов к заявленному «портрету». История, как известно, поучительна, но, предположительно, ничему не учит. Однако возможны исключения. Надеемся, что в вопросе правовой ответственности они даже могут составлять стандарт поведения законодателя и адекватное (логическое, историческое, систематическое) толкование правоприменителя.

Ссылки

1. Антокольская М. В. Семейное право. М.: Норма, 2010. 432 с.
2. Арбатова М. Феминизм // Известия. 1998. 19 февр. С. 5.
3. Свердлов Г. М. Советское семейное право. М., 1958. 299 с.
4. Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1958. 160 с.
5. Бошко В. И. Очерки советского семейного права. Киев, 1952. 371 с.
6. Тарусина Н. Н. Законодательство о браке и семье: более ста лет движения по спиралям российской истории // Социально-юридическая тетрадь. 2017. № 7. С. 5–47.
7. Tarusina N., Isaeva E. Russian family legislation: revolution, counter-revolution, evolution // BRICS Law Journal. 2017. Vol. 4. Issue 4. P. 65–92.
8. Сочнева О. И., Мотовиловкер Я. Е. Нетипичные формы семейных отношений: объективная потребность времени или кризис института семьи // Социально-юридическая тетрадь. 2021. № 11. С. 70–85.
9. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву: учебное пособие. М.: Проспект, 2010. 224 с.
10. Антокольская М. В. Лекции по семейному праву. М., 1995. 143 с.
11. Нечаева А. М. Семейное право. М.: Юрист, 2006. 329 с.

¹⁷ В данной статье мы не обсуждаем ситуацию с «одиноким отцом» как таковую – при том, что она является результатом нарушения положений ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [20].

12. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2016. 400 с.

13. Булошников М. Я. Развод: некоторые правовые проблемы // Развитие законодательства о браке и семье. М., 1978. С. 83–92.

14. Тарусина Н. Н. Семейное законодательство – парадоксов друг // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 96–109.

15. Босанац М. Внебрачная семья. М., 1981. 208 с.

16. Чечот Д. М. Брак, семья, закон. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 208 с.

17. Матерова М. В. Судебное рассмотрение дел об установлении отцовства. М.: Юридическая литература, 1972. 112 с.

18. Рясенцев В. А. Задачи совершенствования законодательства о браке и семье // Развитие законодательства о браке и семье. М., 1978. С. 27–43.

19. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.

20. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 1. С. 131–146.

21. Ильина О. Ю. Применение аналогии закона и аналогии права при регулировании отношений в сфере регистрации рождения детей // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2014. № 3. С. 38–45.